

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ СЕВЕРНОЙ СИРИИ

G. TCHALENKO, *Villages antiques de la Syrie du Nord. Le massif de Bélus à l'époque romaine* (Institut français d'archéologie de Beyrouth, Bibliothèque archéologique et historique, t. L). P., I—II, 1953 (1955); III, 1958

Строительство Сирии, отраженное в тысячах памятников,— открытая, но еще не до конца прочитанная книга по экономике, истории, градостроительству, архитектуре значительных районов Передней Азии¹.

¹⁸³ E. Wistrand, *Die Chronologie der Punica des Silius Italicus: Beiträge zur Interpretation der Flavischen Literatur*, Göteborg, 1956, 63 стр. (Göteborgs universitets arsskrift, v. 62, f. 9).

¹⁸⁴ P. Boyancé, *Encore le Pervigilium Veneris*, REL, 28 (1950), стр. 212—235.

¹⁸⁵ L. Hermann, *Claudius Antonius et le Pervigilium Veneris*, Lat., 12 (1953), стр. 53—69.

¹⁸⁶ P. S. Wild, *Ausonius, a Fourth-Century Poet*, CJ, 46 (1950/51), стр. 373—382; E. W. Bowen, *Claudian, the Last of the Classical Roman Poets*, CJ, 49 (1953/54), стр. 354—358; H. E. Wedeck, *The Techniques of Maximianus Etruscus*, Lat., II (1952), стр. 487—495.

¹⁸⁷ L. Alfonsi, *Significato politico e valore poetico nel De reditu suo di Rutilio Namaziano*, StR, 3 (1955), стр. 125—139.

¹⁸⁸ E. Merone, *La morte di Claudiano*, GIF, 7 (1954), стр. 309—320.

¹⁸⁹ G. Boano, *Su Massimiano e le sue elegie*, RFIC, 27 (1949), стр. 198—216.

¹ Результаты важнейших предшествующих исследований см. в работах:

Расселение и развитое хозяйство, засвидетельствованные громадным числом архитектурных памятников, долгое время не находили достаточного объяснения в источниках и надписях. А. Б. Ранович объяснял общее расширение культурной зоны в римской Сирии тяжелым трудом, искусственным орошением и военными мероприятиями², но он не объяснял необычайного богатства горных районов. Столь же загадочной казалась и гибель цветущего хозяйства, существовавшего в горных долинах и на нагорьях с I—II вв. н. э. до VI — нач. VII в., уход жителей без всяких следов военного или послевоенного разрушения, при сохранности построек и при полном отсутствии инвентаря. Батлер, Маттерн и некоторые другие авторы пытались объяснить этот уход населения из нагорий Сирии эрозией почвы, обратившей когда-то богатые лесами нагорья в вечные пустыни и будто бы вызванной потеплением климата. Специальные исследования не подтвердили этой гипотезы. Обратный же тезис — о неизменности климата в Сирии (а также в Палестине и в Йемене) и о гибели посадок как следствия ухода жителей — получили подтверждение в возобновляющемся за последние 30 лет заселении некоторых районов, в частности нагорий Северной Сирии.

Заглавие трехтомной монографии Чаленко не вполне отражает ее чрезвычайно широкое содержание. Даже если понимать «villages» широко (как «селения», а не как «деревни»), то и тогда под это понятие вряд ли подойдет богатейшие монастыри, особенно замечательный архитектурный комплекс Калат Семана.

В своей аналитической части работа базируется на подробном исследовании селений и экономики той средней части известнякового массива, которая пересекается дорогой (древней и современной) из Антиохии в Берею и состоит в основном из горных кряжей Джебель Халака, Джебель Барипа, Джебель аль Ала и из обрамляемых ими долин (Дана Сермада, Катура, Шельф). Широко привлекаются также данные о более северном нагорье Джебель Семан и о южном массиве Джебель Завие (Риха). В подзаголовке сделана попытка объединить все эти нагорья и долины под общим названием «массив Белуса», однако сам автор (стр. VIII—IX) признает это название спорным; в дальнейшем оно не встречается.

Первый, текстовый том вовсе лишен каких-либо иллюстраций, схем или карт, большая часть которых сосредоточена во II томе с его четырьмя добавлениями. Третий том, появившийся с запозданием на три-четыре года, включает предметный указатель, а также добавления: Сейрига о греческих надписях, не вошедших в JGLS; общие карты и топографический индекс к ним; исследование Како о монастырях, сделанное на основании четырех монофизитских писем (стр. 65—89), и список древних монастырей (стр. 86—112); перечень средневековых памятников, в том числе публикацию арабских надписей из аль Бара (Жанин Сурдель Фомин, стр. 109—112), и т. д.

Текстовый том состоит из пяти частей. Первая была задумана как общее введение, объясняющее широкому читателю дальнейший текст; фактически же сюда попало множество выводов, место которым не перед анализом материала, а после него. Поэтому эта часть обросла огромным числом ссылок на основные части (III и IV). Фактически введением к монографии является не столько первая, сколько вторая часть (стр. 55—91), заключающая подробный анализ условий, которые автор несколько условно объединяет под названием «естественных», включая в это понятие не только геологию, климат, водный режим, растительность, но и посадки, пути сообщения, торгово-экономические факторы. Широко привлекаются данные о современной экономике района и его торговых путях.

Для дальнейших выводов особенно существенны указания на необычайную плодородность той почвы, которая получается от распада известняковых пород. Сейчас ее много только на равнинах, где сеется хлопок. Раньше же почти все горы были покрыты ею, что обусловило к VI в. распространение селений по всему массиву. Автор обнаруживал слой земли у построек даже при самых незначительных раскрытиях (стр. 63, прим. 1)³. Вместе с тем автор обоснованно отрицает предположение Батлера и Маттерна о былом обилии здесь лесов и подкрепляет (стр. 67) точку зрения Вогюэ о том, что строительный лес в древности был предметом импорта и чрезвычайно ценился.

M. de Vogüé, *Syrie centrale. Architecture civile et religieuse du I au VII siècle*. I—II, P., 1865—1877; «Publications of an American Archaeological Expedition to Syria in 1899—1900», II: H. C. Butler, *Architecture and Other Arts*, N. Y.—L., 1923; «Publications of the Princeton Archaeological Expeditions to Syria in 1904—1905 and 1909», II: H. C. Butler, *Ancient Architecture in Syria. A. Southern Syria, 1—7. Leyden 1907—1919; B. Northern Syria, 1—6, Leyden, 1907—1920* (в дальнейшем: Butler, II, B, 1, 2...); J. Lassus, *Inventaire archéologique de la région au Nord-Est de Hama*, P., 1935; он же, *Sanctuaires chrétiens de Syrie*, P., 1944 (1947); он же, *Nouveaux relevés d'églises dans la Syrie du Nord*, CRAI, 1947, № 1, стр. 158—174.

² А. Б. Ранович. Восточные провинции Римской империи, М.—Л., 1949, стр. 143, 148, особенно стр. 145.

³ Ср. Butler, II, B, 4, стр. 158 сл.

Вслед за Вогюз и особенно за Батлером автор усматривает в основе древней экономики района плантационное хозяйство, производство оливкового масла и вина; оливковые плантации занимали преимущественно самые высокие нагорья, а также южные и западные склоны (стр. 74). Культура оливы требует особенно значительных капиталовложений, так как после посадки плодоношение начинается только через 10—12 лет, заполненных трудоемким уходом за плантациями. Сухой климат при отсутствии орошения мешает каким-либо посадкам в промежутках между ольвами; все это должно приводить к единой культуре, возможной только в условиях удобного вывоза скоропортящейся продукции на ближние рынки. Исходя из неизменности климата, автор проецирует эти современные данные в прошлое и дает достаточно вероятную картину постепенного освоения нагорной целины; гипотеза подтверждается хронологией возникновения и развития датированных античных и позднеантичных селений. Судя по распределению селений и лучших построек, наибольшая интенсивность освоения известнякового массива падает на V—VI вв., когда постройки (и плантации?) покрыли его целиком (стр. 71), захватив даже нагорья. Начало же процесса должно восходить к I—II вв. н. э. В пространстве и во времени прослеживается постепенный переход к культуре оливы, с добавлением иногда виноградной лозы: этот процесс постепенно идет из равнин в сердце гор (стр. 54, 91).

Высоко лежащие селения, где не было места для полей и куда нужно было доставлять хлеб, могли возникать только в расчете на экспорт масла; они появились позже других и были покинуты с первыми признаками сокращения экспорта. Поздняя дата (начало VII в.) некоторых построек говорит за экспорт не только в Антиохию, но и в Средиземноморье; если расцвет района совпадает с ростом Антиохии в IV в., то он продолжается и после ее упадка в 1-й половине VI в., пока сохраняются связи с морскими портами.

Кроме общеизвестной дороги из Антиохии в Берею, устанавливается наличие путей из Апамен в Кирр. Внутренние же пути и связи не развивались; селения нагорий тяготели к селениям на дорогах, т. е. к путям наискорейшего экспорта быстро портящегося масла, что не содействовало развитию городской жизни. Поэтому внутри массива почти не было поселений городского типа, что прекрасно иллюстрируется картой (т. III). Исключенные составляют только Брад в Джебель Семане и аль-Вара в Джебель Завие; но и эти наиболее крупные поселения приобрели черты города только в позднее время.

В большей степени, чем Вогюз, Батлер и особенно использующие их данные авторы, Чаленко стремится показать единство всего северосирийского строительства (стр. 9), вывести немногие единичные памятники из массового гражданского строительства, т. е. раньше всего из жилья, из гостиниц и базаров, из бань, зал собраний (андронов). Следует приветствовать эту передовую тенденцию, даже если автору и не удалось провести ее достаточно последовательно. Сразу, с самого начала подчеркивается своеобразный местный характер построек, позволяющий установить на протяжении веков единство строительной техники и местной архитектурной традиции, тесно связанной то с Хаураном или с Коммагенной, то с откликами традиции пальмирской или антиохийской, но умело и быстро ассимилирующей разнородные влияния.

Изучение карьеров для добычи строительного камня свидетельствует об отсутствии какого-либо развития в этой отрасли производства в течение семи веков. Карьеры не связывались с постройками ни дорогой для колесного транспорта, ни даже тропой для вьючных животных; доставка должна была производиться трудом огромного человеческого коллектива. Это обстоятельство могло бы объясняться применением именно в этой отрасли рабского труда; однако автор (стр. 44) отстраняет самый вопрос о рабском или свободном труде в каменоломнях и в строительстве, считая его неразрешимым.

Устройство цистерн было в засушливых нагорьях предпосылкой самой жизни и производства. Цистерны предназначались для потребностей населения и для основного здесь производства масла, требующего большого количества воды. Производство падает на осень, т. е. на конец засушливого периода, что заставляет особенно беречь воду. Крупные цистерны для коллективного пользования представляют редкое исключение (Me'ep). Правилom же были малые цистерны, сотнями разбросанные внутри поселений и среди производственных сооружений.

Очень большой интерес представляет исследование маслобоен всякого рода, от примитивных прессов под открытым небом для местного снабжения до сложных устройств для изготовления высоких сортов масла на вывоз. Значение этого исследования (стр. 40—42 и особенно экскурс, стр. 350—372) далеко выходит за рамки истории техники. Число, размеры, само расположение прессов и особенно изменение этих факторов во времени умело используются автором для выводов о развитии и изменениях в производстве и в составе самого населения.

В Северной Сирии часто встречаются самостоятельные башни и башнеподобные части зданий. Автор подчеркивает (стр. 30—31) мирный характер как самих башен, так и всего «известнякового массива» в целом. Башни обычно предназначались здесь для охраны посадок, в ранних комплексах — иногда и для личного жилья владельца,

а в поздних, — быть может, для уединения привилегированных монахов (стр. 20, 173, 196, 345). В этом состоит коренное отличие массива от районов, лежащих ближе к лимесу, где башни (и стены) имели обычно оборонительное назначение.

Наиболее массовым и неизменным видом гражданского строительства, естественно, является жилище. Древний местный жилой дом, обращенный на юг портиком, лег в основу не только жилого, но и общественного строительства. Когда с расширением торговых связей в нагорных селениях появились привозные черепица и строевой лес, то сделалось возможным покрытие такого местного дома скатной крышей на стропилах вместо традиционной плоской террасы. Это в свою очередь позволило увеличить пролет и высоту зданий и привело к созданию классического для Северной Сирии типа двухэтажного здания — как индивидуального, так и коллективного (гостиницы, монастырские корпуса и т. д.). Именно эти здания с их двухъярусными или даже трехъярусными портиками определили, независимо от времени постройки, общий характер северосирийских архитектурных комплексов, будь то господская вилла, поселение гражданского общины или монастырь.

Архитектурный облик базаров, гостиниц, сосредоточенных в поселениях на главных торговых дорогах, а позднее — на путях паломничества, аналогичен индивидуальному дому, но более крупный масштаб придает им характер здания общественного.

Автор подчеркивает малое число или даже отсутствие складов и хранилищ не только на виллах, но и в торговых поселениях и правдоподобно объясняет это явление необходимостью немедленно сбывать скоропортящееся масло.

С I—II вв. н. э. район украсился также рядом языческих храмов. По общей композиции (т. VIII) они относятся к общегосударственному типу простиля или псевдопериптера на подии; но лучшие из них расположены как «горние места» (стр. 13—16, т. VII). Малая популярность схемы языческого храма объясняется тем, что его тип не связан с местной традицией, а привнесен; об этом свидетельствует и то обстоятельство, что христианские храмы не имели здесь ничего общего с языческими; как предположил Лассю и доказал Чаленко, они тесно связаны с местным жилым зданием. В IV в. постройка церкви не нарушает первоначального единства местной архитектуры; это позволяет уточнить хронологию как храмов, так и гражданских построек (стр. 17—18). Что касается надгробных сооружений Северной Сирии, то они с раннего времени; необычайно разнообразны, в отличие от единообразного и мало дифференцированного жилья.

Все сказанное о типах сооружений относится к постройкам высших и средних слоев рабовладельческого общества. Массовое жилище и погребения бедняков, построенные не капитально, почти не сохранились. Для их подробного изучения нужны систематические раскопки, которые не производились достаточно детально ни раньше, ни Чаленко. На основании же общего расположения руин и некрополей можно делать лишь очень приблизительные предположения (стр. 39—40).

Первые две части текста иллюстрируются множеством схематических карт, современных и исторических, число которых кажется иногда даже преувеличенным; совмещение некоторых карт между собою могло бы способствовать еще большей наглядности показа. Для наглядного показа типов сооружений обычные чертежи, частично заимствованные из предшествующих работ, дополнены аксонометрическими рисунками.

Третья и четвертая части заключают публикацию собственных полевых исследований автора, которые были сосредоточены на отдельных селениях, на их взаимосвязях и на структуре целых районов. Автор указывает, что он выбирал такие селения, которые считал наиболее характерными среди многих других аналогичных деревень, тоже обследованных, но оставшихся «за рамками» монографии. Однако мы не обнаруживаем в книге указания на то, в каком именно отношении они наиболее характерны. Если учесть, что Батлер изучал в том же Джебель Барипа преимущественно самые богатые селения, то окажется, что на долю Чаленко тем самым остались меньшие деревни нагорий или относительно хуже сохранившиеся селения долин.

По указанию самого автора (стр. 54), разница между постройками долин и нагорий состоит в настоящее время в том, что нагорные во многих случаях сохранились нетронутыми с древних времен; поселения же равнин частично эксплуатировались в средние века и постепенно заселяются сейчас, что приводит к значительному нарушению интересующего нас первоначального и позднеримского состояния. Деление же по признаку «внутренних долин» (ч. III) и «нагорий» (ч. IV) не кажется оправданным для материала исторического. Между теми и другими еще не установлено, по признанию самого автора, достаточных принципиальных различий (стр. 54, 91). Поэтому попытку положить это различие в основу плана книги нельзя признать удачной.

Объяснение выбора объектов для углубленного исследования отсутствует. А между тем этот выбор производился по одним признакам в гл. III и совсем по иным — в гл. IV. Все эти обстоятельства приходится устанавливать по мере чтения книги, что не может не помешать усвоению сложного материала.

Из огромного числа проанализированных объектов в рецензии можно упомянуть лишь часть.

В долине Дана (д. Сармада у Батлера), достигшей значительного расцвета в I—II вв. н. э., о богатстве вилл римского времени свидетельствуют мавзолеи, памятники и большие подземные гробницы с надписями (т. XLIII—XLIV и LXI—LXI). По крайней мере со II в. н. э. земельные владения римской знати существовали как в самой долине Дана (стр. 117—119), так и поблизости (Кишала, Бардакли, стр. 120—121), а также около Сармады (стр. 122). Взгляда на карту (ССIV) достаточно, чтобы из довольно плотного расположения упомянутых пунктов заключить об отсутствии здесь латифундий в том смысле, как их понимали в Италии, Галлии и в окрестностях самой Антиохии. Единственным исключением долгое время оставался, по-видимому, императорский домен по обе стороны дороги из Антиохии в Берею, при ее выходе из теснин в долину (стр. 114—117, 141, 393—394; план табл. X/2 и СХХХ/3). Судя по надписи (JGLS, 5528), этот домен мог быть подарен Константином перебежчику Хормизду, который владел также дворцом в Константинополе.

Поселение Хирбет Шейх Баракат (стр. 109—110; план в приложении, табл. СХХХI), расположенное на склоне самой высокой горы района, по-видимому, старше венчавшего ее античного храма (II в. н. э.). Ряд данных: отсутствие капитальных построек, скромная церковь конца VI — начала VII в., свидетельствуют о неизменной бедности жителей даже в период наибольшего процветания района. Автор полагает, что жители зависели сначала от храма, а потом от какого-нибудь знатного лица или монастыря.

Поселение Бакирха (стр. 110—111), лежащее на южном конце долины Дана, в течение всего периода со II по VI в. обладало обширными домами (по указанию автора, почти городского характера), прессами, складами. Это поселение, вероятно, уже во II в. н. э. стало центром по производству масла для крупных рынков, вроде Бабиска и Дар Кита на дороге из Антиохии в Берею; две красивые церкви свидетельствуют о больших доходах этого производства.

Долина Катюра (т. LVII). Руины древнейших построек селения Катюра (стр. 189—194; т. LIX, СХХVII/7) в его восточной части могут восходить к доримскому селению *λαοί*; им отвечает скальный некрополь с грубыми изображениями и семитическими надписями. Несколько вилл II в., связанных с римскими гробницами, должны были возникнуть с раздачей государственных доменов служилой знати. Селение Рефаде (стр. 194—197, т. X, СХХVII/8) состоит из десятка богатых, тщательно построенных вилловых комплексов с обширными дворами, создававшихся с I—II вв. н. э. по VI или даже по VII в. Между ними сохранились следы лачуг, жители которых могли зависеть от богатых соседей. Отсутствие построек среднего качества автор объясняет отсутствием соответствующей социальной прослойки и возможной зависимостью соседних деревень от богатей Рефаде (стр. 197). О форме возможной зависимости местных и окрестных жителей автор умалчивает.

Незначительные руины Такле (стр. 200—204; т. LXIV—LXVI, СХХVII/9) дают некоторое представление о составе населения. Почти перед каждым домом есть южный портик, но теснота застройки помешала устройству дворов (т. LXV). Скот часть помещался в первом этаже самих домов. Автор предлагает считать Такле «деревней крестьян»: мелких собственников, фермеров или издольщиков, работавших на оливковых или виноградных плантациях. Здесь всего два пресса, причем лучший входил в состав церковного комплекса, доминировавшего над остальной застройкой. В отличие от описанных ранее селений, Такле лишено богатых надгробий, надписи которых могли бы датировать время освоения местности. Автор предлагает датировать поселения V в. по предполагаемой дате церкви (стр. 203), но тут же (стр. 204) предостерегает от датировки бутовых построек по примыкающим зданиям из тесаного камня. Скромное жилище бедняков веками строилось одинаково грубо и непрочо. От него остались только бесформенные руины. Таковы руины старых частей Катюры, Деир Семана, Зитт ар-Рум, целых деревень в Джебель Семане или значительных кварталов около вилл в Джебель аль Ала (например Бехио) на противоположном крае массива. Не намного лучше сохранились сходные домики Такле, но их все же удалось зафиксировать. Эти указания автора свидетельствуют об отсутствии принципиальной разницы между селениями долин и селениями нагорий даже в позднее время, когда в долинах уже появился новый решающий фактор — монастыри.

Чаленко уделяет большое внимание нагорным селениям к югу от долины Дана и их связям с малыми долинами. Три селения: Бамукка, Киркбиче и Бехио в аль Ала изучены автором наиболее подробно. Расположенные в стороне от больших дорог, они хорошо сохранились и дополняют скудные данные о ранних поселениях долин.

Относительная высота и довольно близкое взаимное расположение многочисленных вилл I—II вв. н. э. в Южном Джебель Барша наглядно показаны на табл. ХСПИ/1—2. В раннее время здесь была заселена Бамукка — скорее всего, из-за возможности сеять хлеб на площадке около 400 × 200 м² (стр. 301). По нашему мнению, эти обстоятельства лишней раз свидетельствуют об отсутствии принципиальной раз-

ницы между экономикой долин и экономикой нагорий: решающую роль играло наличие пахотной земли, например на целом ряде вершин Южного Джебель Барisha.

В *Бамукка* (стр. 300—318, т. ХСII—ХСIX, СХХХV, № 26) вилла конца I в. н. э. примерно одновременно с прессом и шогеем. В нижнем этаже служебных зданий устроены ясли для скота; из верхнего этажа главного здания можно было следить за плантациями и за работой пресса. Богатство построек автор объясняет большими

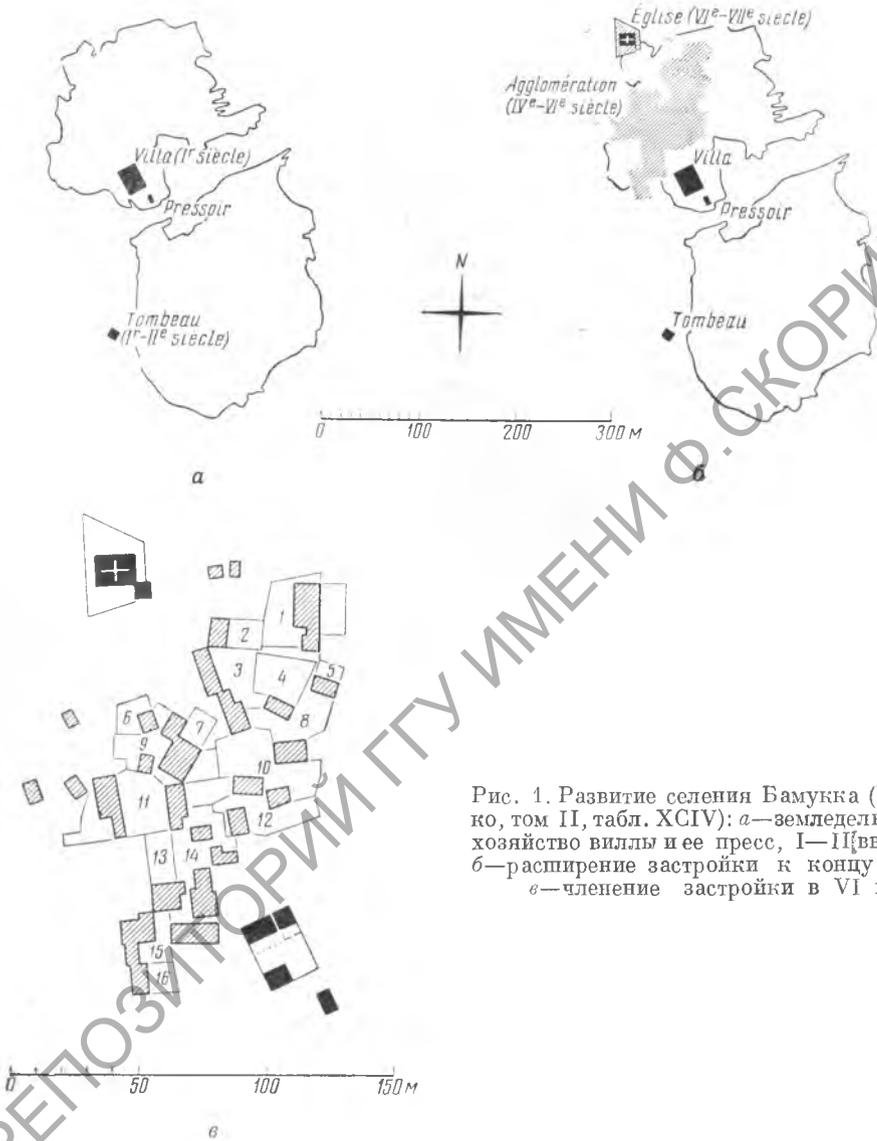

Рис. 1. Развитие селения Бамукка (Чаленко, том II, табл. ХСIV): а—земледельческое хозяйство виллы и ее пресс, I—II вв. н. э.; б—расширение застройки к концу VI в.; в—членение застройки в VI в.

плантациями оливковых деревьев, а не наличием поля, которое могло сыграть роль лишь при первичном освоении территории. К северу от первоначальной виллы автор предполагает с самого начала жилье «персонала» (personnel) плантаций. Каков был «этот режим, длившийся, вероятно, в течение многих поколений», автор не уточняет. Лишь два-три века спустя рядом с виллой постепенно выросла община земледельцев, скромные, но удобные дома которой восходят к IV—VI вв. (стр. 317). Новое поселение заменило, судя по плану, прежние хижины «персонала», но автор забывает упомянуть и это обстоятельство, к стати, не проверенное раскопками. Церковь была построена только на рубеже VI—VII вв.; христианское население обходилось веками без нее, как и во многих селениях долин.

Автор обходит вопрос о социальном положении непосредственных производителей в едином владении первых веков н. э., но ясно говорит о несомненном членении собственности в позднеантичное время. При ограниченности пригодной для плантаций территории селение из 15—16 хозяйств в IV—VI вв. не могло бы существовать без одновременного членения первоначального владения (стр. 318).

На схеме XCIV/3 шестнадцать отдельных «ферм» IV—VI вв. с их двориками показаны в наглядном сопоставлении с мощными постройками древней господской виллы. Так и напрашивается вывод о переходе от рабского труда к труду свободного, вероятно, зависимого населения; но автор не делает такого вывода, не объясняет причины несомненного и для него членения земельной собственности.

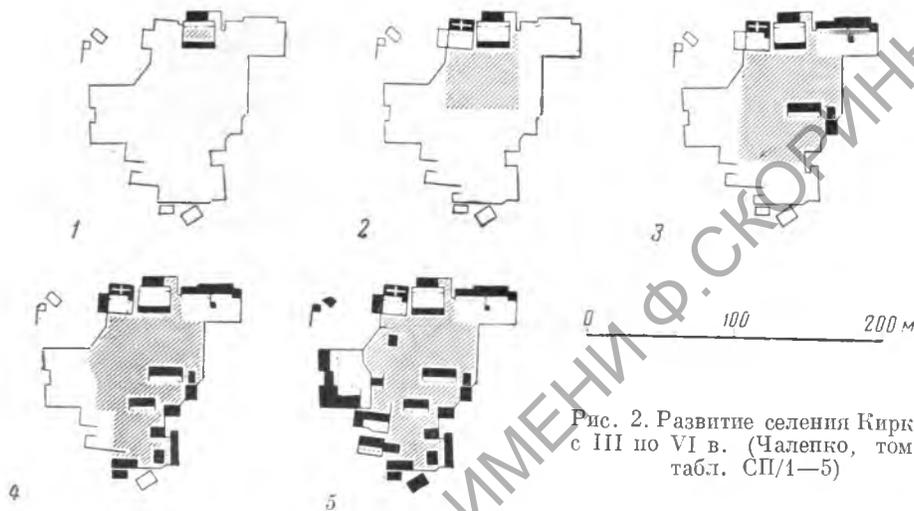

Рис. 2. Развитие селения Киркбиçe с III по VI в. (Чаленко, том II, табл. СП/1—5)

Переход от крупной земельной собственности I—II вв. н. э. к средней и мелкой показан также на примере двух селений — Бехио и Киркбиçe на Джебель аль Ала, т. е. по другую сторону долины Шельф. Оба возникли позднее, чем Бамукка.

Исследование *Киркбиçe* — одно из наиболее интересных в монографии (стр. 319—342; т. CI—CVII, СХХХV/27 и ССXI). Пригодной для земледелия территории здесь было меньше, чем в Бамукка; но, в отличие от Бехио, она все же была. И здесь вилла была построена специально для плантационного хозяйства, о чем свидетельствуют восемь больших маслоделен.

Уже первая вилла, построенная для двух семей, для двух хозяйств, принадлежит к вполне сложившемуся в III в. многоэтажному сирийскому типу с портиками. Автор относит ее к концу III (стр. 325) или к началу IV в. (стр. 341). Отделенное от первой виллы только переулком, другое здание так похоже на нее, что Батлер принял его за вторую виллу. Чаленко открыл в этом здании раннюю церковь (возможно, одну из первых церквей Северной Сирии). Она возникла, по-видимому, сразу после официального признания христианства еще в первой четверти IV в.; несколько позднее к ее двору пристроили жилой дом для клира.

Вскоре к востоку от первой виллы появилась вторая, тоже двойная, но большая, с общей маслодельней, общими служебными помещениями и с башней, видимо, служившей хранилищем для обоих хозяйств.

Еще более поздний жилой ансамбль Киркбиçe, расположившийся к югу от описанного, автор относит к V—VI вв. (т. СII/5, подпись не отвечает тексту). Каждая из пяти «ферм» этого ансамбля имеет свой портик и дворик; это как бы уменьшенные копии больших вилл, технически прекрасно построенные.

Таким образом, в Киркбиçe прослеживается увеличение числа построек и (предполагаемое) постепенное расчленение земельной собственности в более органическом варианте и в более сжатые сроки, чем в Бамукка (III—VI вв. вместо I—VI).

Бехио (стр. 346—373, т. СIX—СХХIII, СХХХVI/I) возникло на территории, вовсе лишенной пахотных угодий. Жители могли существовать только на доходы от оливковых плантаций, покупая хлеб в долине; это обстоятельство определило гораздо более позднее время основания здесь виллы и особенности почти одновременного с ней поселения: Бехио — комплекс средних и мелких земледельческих хозяйств. Как правило, такие комплексы образовывались с IV в. на основе членения земель более ранней виллы вроде Бамукка. После образования же Бехио (V в.) первоначальная двойная вилла с примыкающей «западной» церковью уже очень скоро разделилась и обросла целым рядом других вилл, хуторов-ферм, лачуг. Вместо

резких контрастов более ранних поселений автор видит здесь ряд переходных ступеней между зданиями и делает вывод о соответствующей экономической дифференциации застройщиков (прим. 6 на стр. 356). Хуже других сохранились домишки затесненного квартала в непосредственной близости к первым постройкам; они еще более жалки, чем самые бедные в Шейх Баракат, Каттура и Зитт ар-Рум; они наверняка не могли быть жильем ни крестьян, ни фермеров, ни издольщиков. Автор предполагает, что это — жилье «лишенных собственности рабочих», несомненно, зависевших от виллы (стр. 353) — от первой виллы, уточняем мы.

В своем окончательном виде нагорное Бехио кажется сходным не только с северной частью Бамукка, но и с Такле в долине Каттура. Общий тип селения и отдельных скромных зданий характерен не для долин или для нагорий в отдельности, а для ряда поздних поселений, вероятно общинных. Подробную фиксацию жилой и производственной застройки Бехио можно считать важным шагом в изучении быта и труда производителей одного определенного продукта — оливкового масла. Генеральный план (т. СХ, СХХХV/28), планы отдельных вилл (т. СХV), хуторов-ферм (т. СХVІ) и малых домов и хижин (т. СХХVІІ) дают возможность воссоздать схему постепенного развития поселения, расширения зоны прессов и маслоделия (т. СХХІІ/3—4) и оливковых плантаций за его пределами (т. СІХ, особенно СХХХІІІ).

Подробное исследование маслоделен Бехио (стр. 360—372, табл. СХVІІІ—СХХ, аксонометрия на стр. 368) выясняет характер производства. По замечанию автора (стр. 371, прим. 1), в Бехио обнаружено дробильное винтовое устройство, которое Плиний Старший (NH, IX, 3, 171) описывает как новейшее усовершенствование своего времени. Оно не обнаружено до сих пор ни в Италии, ни в Северной Африке; первый реальный пример — в Бехио.

Обслуживание одного двойного пресса должно было требовать около 20 специальных рабочих, не считая подсобных. В целом же для 50 устройств одного этого поселения нужно было около тысячи рабочих; другая тысяча должна была собирать маслины (стр. 372). Таким образом, осенью количество рабочих рук должно было раз в десять превышать нормальное число жителей; по мнению Чаленко, 200 рабочих, постоянно живших в наиболее бедной части селения, могли обеспечить только уход за посадками вилл и ферм. Такое соотношение между оседлой и сезонной рабочей силой автор считает типичным для времени наибольшего развития производства оливкового масла в V—VI вв. Но обработка в селениях нагорий не была окончательной; получение высоких сортов для экспорта требовало дальнейшей обработки в устройствах, обычно находившихся в более крупных поселениях торгового характера.

Таким образом, независимо от времени возникновения, первичная вилла (а иногда и церковь) в V в. обычно главенствовала над своей деревней, окруженной пресами маслоделен и плантациями.

* * *

Исследование целого ряда сходных селений на нагорьях показало, что правилом в центральном массиве является разукрупнение домов и участков, которое позволяет предпологать чуждение светской земельной собственности в период поздней античности. Но по крайней мере с V в. идет и обратный процесс. На первый план выступает монастырское (и отчасти церковное) землевладение. Так, церковь Калблосе, по-видимому, обладала плантациями и маслодельнями (стр. 344, 397). Дворы и обширные службы церквей в Серджилла и Дар Кита образовали настоящие усадьбы; церковь Такла обладала прекрасным прессом и могла главенствовать в производстве округи; маслодельни при базиликах в Брад и в аль Бара свидетельствуют об обширном производстве (стр. 396—397). Все эти интереснейшие данные соответствуют положению, при котором рабы и колонны «являлись необходимой принадлежностью церковного имущества»⁴. Но автор далек от такого объяснения подмеченных им фактов.

Однако на первый план выступают не церкви, а крупные монастыри, захватывающие лучшие земли долин и вытесняющие здесь светское строительство. В нагорьях больших монастырей не обнаружено, — по-видимому, там было бы тесно их крупному хозяйству; монастыри вроде Каср ад-Дейр (т. CVІІІ/2) незначительны по сравнению с грандиозными комплексами долин Дана и Каттура.

Первым по времени из реально известных монастырей является Каср аль Банат (стр. 159—161; т. XLIX, СХХV/2), построенный в начале V в.⁵, его план свидетель-

⁴ М. В. Левченко, Церковные имущества V—VII вв. в Восточно-Римской империи, ВВ, II (1949), стр. 31.

⁵ Сохранилась греческая надпись, свидетельствующая о дарении здания строителем Маркваном Гирисом, который похоронен в нем (L a s s u s, Sanctuaires..., стр. 230; Н. W. В e u e r, Der syrische Kirchenbau, В., 1925, стр. 43).

ствует об уже сложившемся быте и обширном хозяйстве, характерных для монастырей последующих веков (стр. 173—175). Вокруг большого двора располагались монастырские здания: жилье монахов и другие многоэтажные здания, окруженные портиками; гробницы; хозяйственные здания и церковь.

Открытый, парадный характер монастырских комплексов, их явное богатство никак не вяжутся с представлением, которое дают о них ранние и одновременные тексты; ни один из затворнических монастырей, упоминаемых в монофизитских письмах VI в., также не обнаружен (стр. 171). Автор объясняет исчезновение скромных обителей IV—V вв. ростом монастырей, которые их поглотили.

Богатство монастырей чаще всего базировалось на сельскохозяйственном производстве. По крайней мере с начала V в. монастыри носят характер обширных сельскохозяйственных предприятий, с ограниченными стенами владениями, с башнями для наблюдения за посевами и плантациями (I, стр. 20, 135, 149, 158, особенно стр. 173—178, 396—398). Монастырь обычно связан с определенным селением. Так, монастырь Зитт ар-Рум (IV в.), церковь которого, вероятно, обслуживала богатые виллы в соседних Катурса и Рефаде, мог использовать рабочую силу примыкающей деревни (стр. 198). Обычно же деревня отстояла от монастыря, будучи определено с ним связана: таковы Турманин и Деир Турманин, Телль Аде и два монастыря — Деир Телль Аде и Бурдж ас-Саб; Кефер Киле и Каср ад-Деир (т. С) и т. д. Автор считает возможным объяснить эти связи использованием рабочей силы поселения при сборе и обработке монастырем урожая, но допускает также, что некоторые селения могли принадлежать монастырям, как раньше они часто принадлежали здесь языческим храмам (стр. 177). Однако важнейший вопрос о форме зависимости разработан слабо.

В одной только долине Дана обнаружено до настоящего времени множество монастырей (стр. 150). Но это лишь небольшая часть монастырей, известных по источникам, в частности по перечням монофизитских монастырей в письмах VI в. Карты расположения и список монастырей (во II т.: т. LIV, CLII—CLIII) получили подробное обоснование у Како (в т. III)⁶. Сравнительная таблица идентификации конкретных памятников с письмами монофизитских главарей VI в. (у Хонигмана, у Литмана⁷, у Чаленко) приводит к предположению, что большая часть монофизитских монастырей была сосредоточена в известняковом массиве⁸. Эти сведения дают представление не только о роли монастырей вообще, но и о роли, особенно в районе Дана, монастырей монофизитских: ведь монофизитскими должны были быть такие общезвестные крупнейшие комплексы, как Каср аль-Бааат (Мар Бица?), Брейдж (Мар Даиэль?), Деир Телль, Аде (знаменитый в древности монастырь Телета), Турманин и много десятков других, еще не идентифицированных, но известных по источникам или по руинам⁹. Данные Чаленко и Како показывают, какова была экономическая мощь монастырей, в частности монофизитских. Она не могла не способствовать широкому распространению монофизитства и долгим его пережиткам уже при арабском владычестве.

Особое место занимают в монографии данные о Теланессосе (Деир Семане), связанном с деятельностью Симсона Столпника (стр. 207—222; т. VII; LXVII—LXX; CXXXII), и о Калат Семане (стр. 223—276, т. L, LXI—LXXXVII, CCIX—CCX). Подробное исследование архитектуры Калат Семана представляет значительный интерес, но оно нарушает общий план работы. Многие приводимые здесь данные привязаны к основной теме механически.

Если сопоставить части III и IV, то четко выступает и их методическое различие. Часть III содержит подробное изложение материала о всех изучавшихся селениях в долинах и на ближних нагорьях, часть же IV построена на углубленном изучении трех объектов, лежащих к югу от долины Дана. Разный метод сбора и подачи материала не мог не отразиться на выводах.

Пятая, заключительная, часть вводит эти собственные исследования Чаленко в контекст ранее опубликованного о всем известняковом массиве. Относящиеся к ней генеральные планы 37 поселений исполнены в одном масштабе, что способствует их сопоставимости. Планы составлены путем сочетания аэрофотосъемки с триангуляцией (стр. XII—XIII) и представляют значительный шаг вперед по сравнению с планами более ранних работ. Генеральные планы и краткие аннотации к ним (табл. CXXXIV—CXXLI) представляют особую ценность как материал для дальнейших исследований (объяснение условных знаков ошибочно попало в т. III, 1-е приложение).

⁶ A. S a q u o t, Les couvents du massif calcaire dans quatre lettres monophysites du VI siècle (т. III, Доп. III, 1, стр. 63—85).

⁷ E. H o n i g m a n n, Nordsyrische Klöster in vorarabischer Zeit, «Zeitschrift für Semitik», I (1922), стр. 15—33; E. L i t t m a n n, Zur Topographie der Antiochene und Aramene, там же, стр. 163—193.

⁸ A. S a q u o t, ук. соч., стр. 84—85.

⁹ Небезынтересно отметить, что ни монофизитские монастыри, ни их церкви по существу ничем не отличаются от ортодоксальных. Это обстоятельство затрудняет отнесение конкретно изучаемых монастырей к монофизитским или к ортодоксальным.

Производство оливкового масла было в известняковом массиве ведущим, а на нагорьях аль Ала и Барипа, по-видимому, единственным. Торговля маслом выходила за рамки натурального хозяйства, по крайней мере с III в. Другие производства и ремесла обычно оставались здесь в рамках удовлетворения нужд местного малоимущего населения (стр. 418), если не считать изготовления в монастырях благочестивых сувениров. Только ремесло строителя стало искусством и оставило бесчисленные памятники. Основному производству — плантационному — предшествовало вытеснение цистерн, тропинок, террас, ямок для отдельных деревьев, что способствовало развитию у населения навыков строительного производства (стр. 44—48, 418—419).

Монументальные здания и лучшие из вилл создавались, по-видимому, местными странствующими артелями, иногда с привлечением других коллективов (например при создании Калат Семана). Автор предлагает объяснять мастерство строителей наличием в известняковом массиве отхожего строительного промысла, развитию которого способствовала сезонность большей части работ на плантациях (стр. 421).

В основу выводов автор ставит тезис о прямой связи конкретных форм жилья и планировки поселков с сельскохозяйственным их характером (стр. 402) и уделяет значительное внимание технической стороне построек¹⁰.

Классификацию деревень и селений по их составу и отношению к основному производству следует приветствовать в принципе. Однако при современном состоянии исследований она кажется слишком подробной.

Так, сделана попытка различить еще до появления римских вилл, т. е. ранее I—II в. н. э., два типа селений: 1) первоначальные объединения хижин (§ 2, стр. 378—379); 2) крестьянские селения (§ 3, стр. 379—381), которые автор связывает с сельскими общинами, наследовавшими селевкидским *λαοί*¹¹. Происхождение первого типа остается неясным. Появление вилл римской и романизированной знати в первые века н. э. привело к развитию трех типов селений: 1) виллы, окружившие или включившиеся в уже существовавшие крестьянские селения (§ 4, стр. 381—382); такое соотношение обычно в долинах, а также в нагорьях Джебель Семана и на восточном склоне Джебель Барипа; 2) группы крупных владений без следов предшествующего местного поселения (§ 5, стр. 383—384); 3) селения, образовавшиеся из одной виллы, т. е. на базе единственного плантационного хозяйства (§ 6, стр. 384—385); единственная (иногда двойная. — *C. R.*) вилла сопровождалась десятком жалких хижин, вероятно заселенных мелкими издольщиками или сельскохозяйственными рабочими, целиком зависевшими от хозяина.

С IV в. на местах тех же первоначальных поселений образуются общины мелких производителей (§ 7, стр. 385—386), которые резко отличаются по структуре и по общему виду и от рабочих кварталов при виллах, и от старых крестьянских селений.

Особое место в нагорных районах занимают те поселения (§ 8, стр. 386—390), которые, сохраняя частично свое плантационное хозяйство, становятся местом переработки и перепродажи продуктов окрестного производства, а также, вероятно, административными и культовыми центрами. Автор противопоставляет им «периферические объединения производственного и торгового характера» (§ 9, стр. 390—392), которые с IV в. почти полностью специализировались на рафинировании и экспорте масла, став местом обмена с городами и равнинами, а также стоянками караванов. Они выделяются величиной и количеством своих устройств для переработки масла, обширностью торговых предприятий и общественных зданий. Сельскохозяйственный характер сохраняется у них, хотя и в слабой степени, поскольку жители, став торговцами или ремесленниками, «вероятно, оставались собственниками окружающих оливковых рощ».

К той же группе автор относит такие селения, как Деир Семан, превратившиеся из сельскохозяйственных в паломнические, где огромное количество продуктов сбывалось пилигримам в больших многоэтажных гостиницах VI в., когда культ Симеона Столпника получил наибольшее развитие.

В особые группы выделены домены — единственный сохранившийся императорский (§ 10, стр. 393—394), не получившие развития частные (§ 11), церковные (§ 12, стр. 396—398) и особенно монастырские (стр. 397—398), организованные как крупные сельскохозяйственные предприятия, о которых шла речь выше. Автономные частные домены Северной Сирии, о которых сообщают источники, могли существовать в долинах Оравта, Африна, в равнинах Халкиса и Берея (Алеппо). В известняковом же массиве крупных доменов не обнаружено (стр. 395)¹². Сначала их развитие ограничивали деревенские общины, потом стесняли «настоящие латифундии монастырей» (стр. 398).

¹⁰ У Ла с ю полнее освещена материальная база культового строительства: средства давали местные жители, а не церковь (*Sanctuaires*, стр. 249—261).

¹¹ Ср. М. В. Левченко. Материалы для внутренней истории Восточной Римской империи V—VII вв. «Византийский сборник», 1945, стр. 28—29, 50, 53.

¹² Кроне Баб аль Хаве, см. выше.

В дальнейших параграфах заключительной части делается попытка еще большего обобщения получившейся сложной картины. Взаимоотношения крупных землевладельцев и крестьян в I—IV вв. (§ 15—16) кажутся автору основанными на каком-то виде барщины (*colvée*, стр. 407) при создании плантаций и цистерн, при работе в карьерах и на стройках, а также при сборе и обработке урожая. В основе развития больших владений должна лежать форма зависимости, которую он определяет как «недвусмысленное принуждение» и которая не мешала сосуществованию собственников и крестьян в виде двух смежных общин, с зафиксированными в надписях дарениями целых построек сельским общинам (стр. 408). Образование нового слоя мелких собственников (§ 17, стр. 408—409) должно было сопровождаться членением с IV в. первоначальных доменов. Характер нового жилья должен свидетельствовать об эмансипации новой прослойки, которая, по-видимому, делается собственником части тех земель, которые ранее входили в состав первоначальной виллы.

Особые §§ 18—19 посвящены непосредственным производителям. В период образования вилл на вновь осваиваемых нагорьях (I—III вв.) около них возникали хижины и лагеря «земледельческих тружеников» (стр. 409). Эти плохо построенные жилища наиболее трудны для исследования. Сознвая неполноту рисуемой им картины, Чаленко оправдывает эту неполноту тем, что создателями культуры будто бы были не непосредственные производители, а только собственники или держатели различных рангов. Автору ясно (стр. 410), что обитатели жалких хижин в центральной части Бехио должны были служить «рабочей силой» на плантациях собственников вилл. Однако применение рабского труда в производстве оставляется под вопросом (стр. 44 — применительно к карьерам, а на стр. 407 в них предполагается барщина) или отрицается (стр. 410). Чаленко ссылается на отсутствие следов эргастериев в виде казарм и обширных служб и допускает наличие лишь немногих рабов (стр. 410), положение которых представляется ему привилегированным по сравнению с массой сельскохозяйственных рабочих; это заключение делается на основании двух эпитафий (IGLS № 650 и 1409—1411), относящихся к 132 г. и к 324 г. н. э.

Расцвет известнякового массива совпадает с тенденцией Римской империи усилить эксплуатацию своих окраин. Автор предполагает, что раздача больших участков, ранее входивших в состав императорских доменов, могла сопровождаться обязательством нового владельца интенсивно эксплуатировать пожалованные ему ранее пустынные склоны гор и нагорья; эти взаимоотношения могли иметь форму эмфитевзиса (стр. 416). Автор ссылается при этом на одну из работ М. В. Левченко («Материалы для внутренней истории Восточной Римской империи»), но оставляет в стороне его указания о сложности происходивших процессов, о многообразии взаимоотношений владельца, эмфитевта или правителя домена с непосредственными производителями, будь то свободные члены деревенских общин, колоны, рабы. Нет речи и об эмфитевтах, рабах и колонах в церковном и монастырском хозяйстве, которым посвящена специальная работа М. В. Левченко на эту тему¹³.

Для объяснения взаимоотношения свободных производителей поздней античности с крупным землевладельцем автор привлекает только параллели с современной «мугараза». При этой форме производитель берет на себя все работы по освоению территории в течение 10—12 лет, за что (по данным автора) получает половину созданной им плантации в наследственную собственность. Автор думает, что предполагаемая «мугараза» становилась преобладающей одновременно с раздачей земель императорских доменов. Однако между предполагаемым членением доменов и явным членением конкретных частных вилл (и притом только на нагорьях Южного Бариша и аль Ала) проходит, вообще говоря, не менее 200 лет (с I—II вв. до IV—VI вв.); у автора нет возможности объяснить это отставание.

Материалы, собранные Ж. Чаленко, могут, как нам кажется, получить несколько иное истолкование.

Автор пытается распространить на весь известняковый массив подмеченные им в Южном Джебель Бариша и в Джебель аль Ала процессы освоения целинных нагорий, членения крупной земельной собственности в IV—VI вв., а также наличие придорожных поселений, в которых сосредоточивалась продажа масла. Между тем внедрение богатых вилл в уже существовавшие ранее селения и группы одних только богатых вилл, предполагающее эксплуатацию местного населения в форме какой-то барщины (*colvée*), должно иметь предпосылкой существование этого местного населения. Селения этих двух типов обнаружены только в долинах и в тех нагорьях, где имеются реальные следы более древнего заселения (Джебель Семан, вероятно, Джебель Завие), обусловленного наличием здесь обширных пахотных угодий.

Ни Батлер, ни сам Чаленко не отмечают в этих районах членения богатых построек. Серджила и Даллоза в Джебель Завие, Рефаде в долине Каттура, Батута и ряд других в Джебель Семане сохранили до самого конца характер поселений и зод-

¹³ М. В. Левченко, Церковные имущества V—VII вв. в Восточно-Римской империи, ВВ, II (1949), стр. 31, 40, сл., 57.

них только богатых, красивых вилл, свидетельствующих о равном благоденствии владельцев¹⁴, вероятно, эксплуатировавших окрестное население. В Серджилла даже возник новый квартал особенно красивых вилл VI в. (реценз. соч., стр. 383 сл.). В этих именно районах могли сохраниться прежние патриархальные отношения; именно их главные центры — Брад и аль Бара — совмещали по старинке множество функций, старых и вновь возникших, со специализацией производства и с ростом обмена.

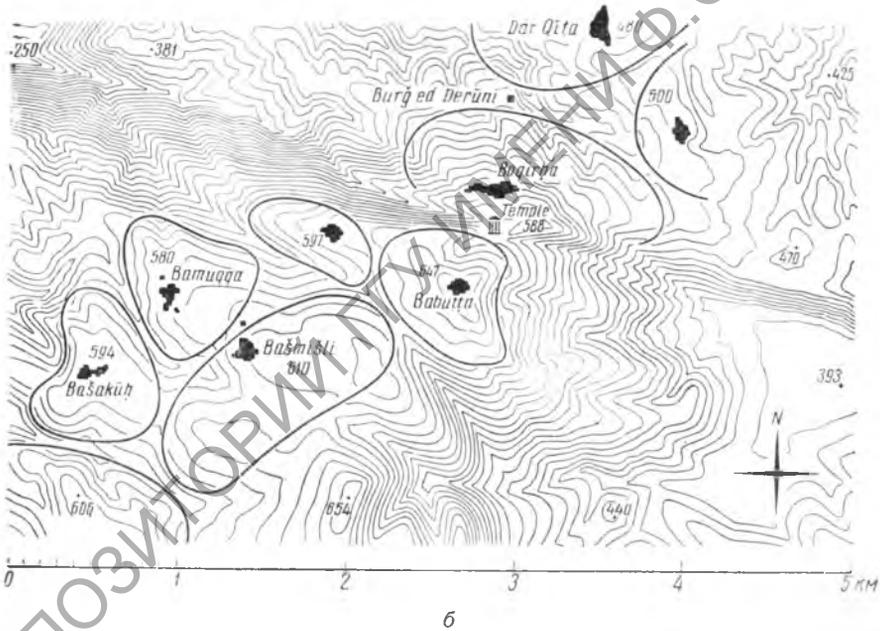
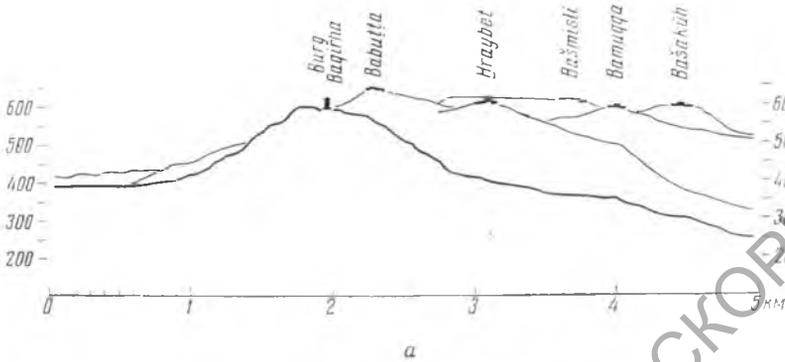

Рис. 3. Расположение селений к югу от римской дороги (Чаленко, том II, табл. ХСIII/1—2): а) профиль по высоте Дж. Бакирха и храму Бурдж Бакирха с видом на соседние селения с северо-запада; б) детальная карта (цифры означают отметки)

Совершенно иную картину рисуют нам исследования Чаленко и Батлера для района к югу от большой римской дороги из Антиохии в Берею. Малое количество или полное отсутствие пахотной земли, по-видимому, препятствовало заселению нагорий этого района в века, предшествовавшие интенсивной римской колонизации. Следов такого заселения здесь не обнаружено. В этих районах некогда было эксплуатировать при помощи предполагаемой автором «барщины». Освоение целины и строительство были здесь возможны лишь с помощью каких-то иных средств. Таким средством в первые

¹⁴ Butler, II, В, ч. 3, стр. 109, 110, стр. 124—131 (Серджилла); 133—136 (Дал-доза) и т. д. Для Рефаде — см. выше.

века н. э., скорее всего, был труд рабов. По данным автора, чем раньше вилла основывалась, тем дольше она оставалась нерасчлененной. Может быть, это объяснялось тем, что эксплуатация рабского труда еще была выгодной. Отсутствие эргастериев, на которое ссылается автор, не может свидетельствовать против этого предположения. Если бы Помпей не погубил неожиданно, то и там тоже не оказалось бы явных следов рабского труда. Помещения рабов, возделывавших земли вокруг города, находились внутри лучших помпейских домов и отличались от других помещений лишь инвентарем и незначительными приспособлениями. Если такие приспособления и были в богатых виллах Джебель Бариша и Джебель аль Ала, то они давно исчезли или были унесены вместе с остальным инвентарем.

Нашему предположению о каком-то особом режиме на этих целинных нагорьях отвечает и особый характер сбыта их продукции. Торгово-обменный характер нигде не выявлен так ярко, как в тех больших поселениях, через которые проходила продукция плантаций Джебель аль Ала и Южного Джебель Бариша. Именно Бабиска, дар Кита Ба'уде превратились из сельскохозяйственных в торгово-посреднические центры в большей степени, чем какие-либо известные нам другие. Нигде больше таких поселений не сохранилось.

Наоборот, ни в Южном Джебель Бариша, ни в Джебель аль Ала не было большого селения, сходного с Брад или с аль Бара. Все эти факты вряд ли могут быть объяснены случайностями археологического исследования. Гораздо более вероятно кажется другое предположение, которое мы решаемся высказать для объяснения всех этих кажущихся случайностей.

Судя по материалам Чаленко (тома I—II) и по указателю Сейрига (том III), сходную с Бамукка, Киркибе и Бехно историю имели также и близлежащие пункты: Ма'арамайя, Нуридже, Ишрук, Башмиши, Башакух, Бабутта, Дехес, Банакфур, Бенебил, Кфейр, Беттир, С. Берни и Бзэндлай. В своей совокупности эти шестнадцать изученных villae, многие из которых восходят к I—II вв. н. э., должны были представлять новое, передовое явление, подобное колонизации, но вовсе не характерное для остального известнякового массива. Как наглядно показывает составленная нами схема (рис. 1), все они¹⁵ сосредоточены на пространстве, относительно очень небольшом по сравнению с теми территориями известнякового массива, на которых уже изучены многие сотни населенных в древности пунктов.

Автору монографии, наиболее подробно изучившему три пункта: Бамукка, Киркибе и Дехес, и начавшему публикацию своих исследований именно с них¹⁶, трудно было отказаться от первоначального предположения о типичности их истории для всего известнякового массива, тем более что он не распознает в них особого фактора — первоначально рабовладельческого характера производства. А между тем развитие трудоемких культур на не заселенной ранее нагорной целине вряд ли, по нашему мнению, могло быть осуществлено без широкого применения рабского труда. Именно по этой причине здесь должно было происходить членение собственности с того момента, как рабский труд становился невыгодным. Этим может быть объяснено именно в данном районе такое членение построек и земельной собственности, которое не наблюдается ни в долинах, ни в других нагорьях. Такое членение не отмечено ни предшествующими исследователями, ни самим Чаленко нигде, кроме аль Ала и Южного Джебель Бариша. В результате селения этих нагорий стали к V—VI вв. внешне похожими на селения остального массива, хотя их развитие и протекало совершенно иначе.

При огульном отрицании роли рабства в производстве с I по VII в. автор лишает себя возможности объяснить постепенное членение в IV—VI вв. относительно крупной земельной собственности I—III вв. на Джебель аль Ала и Южном Джебель Бариша, которое он дедуцирует из членения первичных villae.

Углубленное дальнейшее исследование селений Семана и Джебель Завие, подобное проделанному в Джебель аль Ала и в Джебель Бариша, могло бы вскрыть и там какие-то сходные моменты. Но на сегодняшний день гипотеза об исключительности, нетипичности нагорного района Джебель аль Ала и Южного Джебель Бариша не противоречит, как нам кажется, фактическим данным, собранным Чаленко.

Наибольший расцвет производства масла в V—VI вв. повсеместно отмечен умножением маслодельных устройств. Автор предполагает, что для сбора урожая и для изготовления масла в октябре-ноябре широко привлекалась наемная рабочая сила, освободившаяся после сбора урожая в долинах (стр. 373). Поздней осенью известняковый массив оживал: производство, транспорт, число рабочих возрастали в несколько раз.

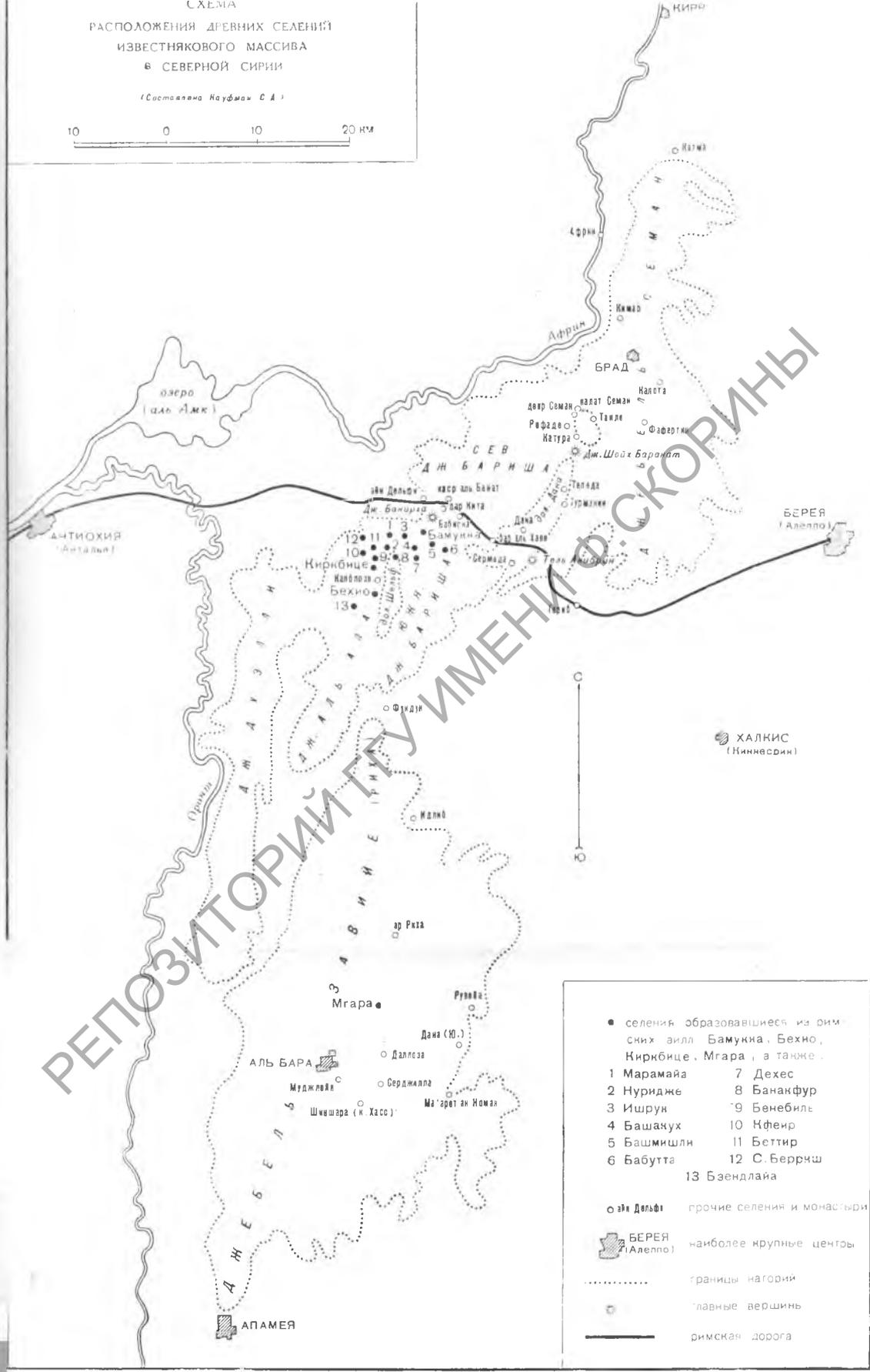
Значительная концентрация производства и дальнейшей переработки масла засвидетельствована в Бабиска, Дар Кита, в центральной части Брада и в западной части аль Бара множеством сложных маслоделен в сочетании с резервуарами; производство и продажа сосредоточивались, по-видимому, в руках немногочисленных

¹⁵ Возможно, кроме Мгара в Джебель Завие, где он представлял бы исключение.

¹⁶ G. Tchalenko, Actes du VI congrès des études byzantines, II, P., 1951, стр. 389—396.

СХЕМА
 РАСПОЛОЖЕНИЯ ДРЕВНИХ СЕЛЕНИЙ
 ИЗВЕСТНЯКОВОГО МАССИВА
 В СЕВЕРНОЙ СИРИИ

(Составлена Наушим С.А.)

- селения образовавшиеся из римских аилл Бамунна, Бехно, Киркбиде, Мгара, а также:
 - 1 Марамайа
 - 2 Нуридже
 - 3 Ишруа
 - 4 Башачух
 - 5 Башмишли
 - 6 Бабутта
 - 7 Дехес
 - 8 Банакфур
 - 9 Бенебиле
 - 10 Кфенр
 - 11 Беттир
 - 12 С. Берриш
 - 13 Бзэндлайа
- аилл Дольфа
- БЕРЕЯ (Алелло)
- границы нагорий
- главные вершины
- римская дорога

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Рис. 4

крупных предпринимателей. Однако производство и переработка масла не достигали здесь той массовости, которая засвидетельствована для Северной Африки огромной маслодельней в Бир-Сауи.

В целом для книги Чаленко характерен упрощенный подход к вопросам истории форм труда в античной Сирии. Книге свойственны также серьезные структурные недостатки, нарушающие единство и логическую последовательность изложения. Выводы автора не исчерпывают конкретного текстового материала; текст в свою очередь не исчерпывает многих данных, которые зафиксированы в материале графическом. Различие в методе исследования и показа конкретных селений затрудняет усвоение материала. Автор не сумел еще построить из всего этого богатейшего материала единого здания: оно как бы распадается на различные по масштабу части.

Заслугой Чаленко следует признать начатое им изучение тех кварталов или рядовых селений непосредственных производителей, которые в предшествующих публикациях едва отмечались несколькими строками. Другой не меньшей заслугой является исследование построек или их следов, восходящих к первым векам нашей эры, установление на протяжении веков истории отдельных зданий и целых поселений и попытка показать в истории построек историю их обитателей. Антиковеду-марксисту монография Чаленко, при всех ее недостатках, дает возможность значительно конкретизировать исследование социально-экономических отношений Северной Сирии.

В настоящей рецензии не представляется возможным остановиться на весьма интересных наблюдениях Чаленко относительно истории церковной архитектуры в Сирии и связанных с этим вопросах эволюции христианской литургии. Эти вопросы заслуживают особого рассмотрения.

Работа Чаленко получила поддержку и положительный отзыв со стороны сирийских археологов¹⁷. Нужно надеяться, что они продолжат начатые исследования и опубликуют столь же ценные материалы по другим районам своей богатой монументальными памятниками родины.

С. А. Кауфман